

◆ ВАША СУДЬБА ◆

ХИРОМАНТИЯ



Ваша судьба

Хиромантия

«ОМІКО»

2005

Хиромантия / «ОМІКО», 2005 — (Ваша судьба)

Человек всегда хотел знать, что ждет его впереди. Так было в древности, так обстоит дело и сегодня. Наша книга рассказывает о хиромантии — искусстве предсказания судьбы, определения характера человека, его склонностей и состояния здоровья по руке.

, 2005

© ОМІКО, 2005

Содержание

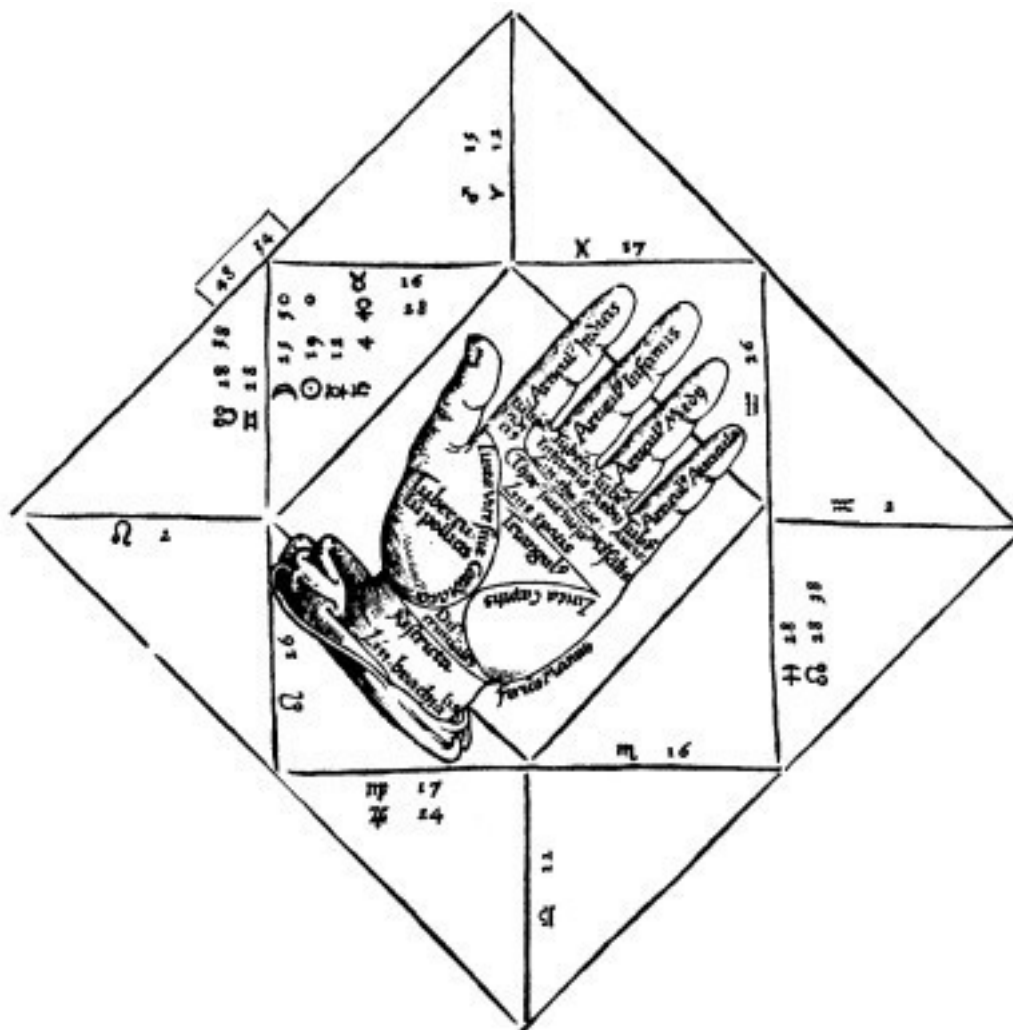
А. Дебарроль Тайны руки	8
Предисловие	8
Вступление	12
Бальзак и хиромантия	17
Физиологические исследования	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

А. М. Гопаченко

Хиромантия

Дети, мужчины, старики – мы все увлекаемся тайнами, в каком бы виде они перед нами ни появлялись.

Бальзак



Человек всегда старался узнать, что ждет его впереди. Так было в незапамятные времена, так обстоит дело и сегодня. Правда, одни прибегают для этого к помощи гадалок, а другие обходятся своими силами – строят планы на будущее, основываясь на знании собственных возможностей, благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, законов логики... И эти трезвые, часто безупречно логически мыслящие люди были бы удивлены, если бы их прогнозирование назвали гаданием, хотя сами действия такого рода содержат в себе попытку узнать, «что день грядущий нам готовит», прозреть будущее. А ведь это прерогатива так называемых оккультных наук. Прикладным видом оккультизма и является хиромантия – гадание по линиям и бугоркам ладони, позволяющее, по мнению адептов оккультизма, определить характер человека, его прошлое, настоящее и даже будущее.

Итак, оккультизм, мистика... Почему эти слова для одних звучат как нечто неприличное или абсурдное, а для других имеют самый реальный смысл?

В Советском энциклопедическом словаре находим следующее определение оккультизма: «Оккультизм (от лат. *occultus* – тайный, сокровенный) – общее название учений, признающих

существование скрытых сил в человеке и космосе, доступных лишь для «посвященных», прошедших специальную психическую тренировку... В целом оккультизм противоположен научному мышлению». Итак, еще в средние века человек сумел понять, что в природе все взаимосвязано и что в нем самом существуют некие необъяснимые скрытые силы. К этой же мысли о существовании общих законов Вселенной (скрытых, конечно, для взгляда непосвященного – то есть неспециалиста, неученого) пришел и Эйнштейн, которого трудно подозревать в недостатке интеллекта и научного мышления.

Ведь работа Эйнштейна над созданием теории Единого поля, единого Уравнения для всех существующих полей и была попыткой математически описать Вселенную, законы ее существования. Итак, Единое поле, охватывающее все аспекты существования материи, энергии и времени. Человек верующий назвал бы это Богом, Творцом, адепт оккультизма – Космическим сознанием.

Известный в нашей стране французский исследователь и журналист Жак Бертье в своей книге «Утро магов» замечает:

«...Физико-математические исследования, рассматриваемые с той точки зрения, на которой их оставил Эйнштейн, – это попытка человеческого разума открыть закон, управляющий совокупностью всемирных сил (гравитация, электромагнетизм, свет, термоядерная энергия). Попытка единого видения, усилие мысли, стремящейся достигнуть той точки, откуда видна бесконечность. И откуда могло бы возникнуть это стремление ума, если бы он не предчувствовал, что эта точка существует, что он может до нее дойти».

Замечено, что представители так называемых естественных наук – медики, биологи и т. п. – как правило, в штыки встречают все теории, где существует хотя бы намек на что-то, с их точки зрения, «потустороннее», стоящее над материей. А физики-теоретики и математики, то есть люди, имеющие дело с абстрактными понятиями и фундаментальными теориями, воспринимают их заинтересованно. Видимо, эти науки, сами являющиеся фундаментом для очень многих прикладных наук, формируют у имеющих с ними дело открытость сознания.

Может быть, всем людям следовало бы относиться к окружающему миру менее непредвзято и более заинтересованно, признавать его неиссякаемое многообразие и пытаться понять и по-новому осмыслить многое из того, что история сохранила и донесла до нас из глубины столетий.

История хиромантии насчитывает несколько тысячелетий. Родилась эта наука в Древнем Египте. В Европу ее «импортировал» великий ученый-математик Пифагор – адепт тайных наук, прошедший посвящение в мистерии Изида в Египте и Элевсинские мистерии в Греции. Первое собственно европейское сочинение по хиромантии, дошедшее до наших дней, написал Аристотель в 350 году до нашей эры. Позднее римский врач Гален увлекся хиромантией и оставил после себя 250 работ, посвященных изучению знаков на руке. В средние века многие европейские ученые и мыслители тоже отдали ей дань увлечения, среди них был и великий Парацельс.

В XIX веке в Европе снова вспыхнул интерес к таинственным знакам, начертанным на руке человека, и попыткам их толкования. Появилась знаменитая книга А. Дебарроля «Тайны руки», в которой автор не просто подробно растолковывал значение линий на ладонях, а рассказывал о происхождении хиромантии, ее связях с другими оккультными (или сокровенными) науками. Более того, Дебарроль пытался доказать, что хиромантия не только не противоречит науке, но даже находит подтверждения в современных научных открытиях.

Несомненный интерес представляла и книга Вильяма Бенхема «Законы научного чтения руки». Интерес к хиромантии подогревался и тем, что европейскому читателю стала доступна литература по этому вопросу, пришедшая с Востока – из Китая и Индии. Именно в конце XIX века появился английский перевод с санскрита древнеиндийского трактата по хиромантии «Хает Самудрика Шастра».

Даже прагматический XX век внес свою лепту в развитие хиромантии – появилась книга знаменитого предсказателя Кейро (графа Льюиса Хемона) «Вы и Ваша рука». Необычная популярность этой книги объяснялась тем, что Кейро называли величайшим и самым преуспевающим пророком нашего времени. Он предсказал дату смерти королевы Виктории, год и месяц кончины короля Эдуарда VII, жестокую судьбу последнего царя России, убийство короля Италии Хамберта и многие другие значительные события.

Хиромантия, как уже было сказано выше, принадлежит к прикладным видам оккультизма, то есть призвана помогать человеку в повседневной жизни. Узнать, что предназначено тебе судьбою, стоит хотя бы для того, чтобы попытаться избежать несчастий, если они тебя ожидают. Все хироманты всех времен и народов от древности до наших дней утверждают, что человек в силах изменить судьбу, если будет знать ее. Воля – вот то магическое средство, при помощи которого человек может переделывать самого себя и даже сражаться с судьбой.

Вспомним библейское: «На руку всякого человека Он (Господь) налагает печать для вразумления всех людей, сотворенных Им.» (Библия. Книга Иова, 37, 7.).

И эта же мысль вытекает из приведенного выше стиха из Библии. Для вразумления – значит, для исправления, стало быть, мы можем попытаться отвести зло, если будем знать, каково оно, научиться управлять собой, собственной судьбой. Возможно, когда-нибудь это станет для человека привычным, обыденным, нормальным и не будет вызывать таинственного трепета. Но никогда не разгадать человеку до конца всех тайн природы, ибо процесс познания бесконечен.

А. Дебарроль Тайны руки Искусство узнавать жизнь, характер и будущее каждого по руке

Предисловие

Если изучение френологии, хиромантии и других наук, имеющих целью отгадывать человеческий характер и человеческие инстинкты, есть только бесполезное препровождение времени, если оно хоть на минуту перестает быть серьезным, если оно только развлечение для восторженных умов, для воображения, жадного до чудесного, тогда оно достойно осуждения, ибо ведет к заблуждениям и суеверию. Но если оно основано на истине, тогда, как бы страстно ни отдавались ему, эта страсть все-таки будет ничтожна, не только сравнительно с материальными преимуществами, доставляемыми им, но и потому, что науки эти призваны играть необходимую роль в воспитании наших детей, которые суть прогресса будущего.

От дурно или хорошо направленного воспитания зависит, как известно, счастье или несчастье целой жизни. Человек с прекрасной организацией может, конечно, рано или поздно сойти с ложного пути, по которому его направили в юности, но возвышенные натуры – редки.

В настоящую минуту для нас не особенно важно говорить о том, имеют ли звезды влияние на наши инстинкты. Допуская всякое другое влияние, мы должны все-таки сказать, что тем не менее справедливо, что мы рождаемся с индивидуальными наклонностями, с качествами и недостатками, присущими нашей натуре. Эти наклонности ведут нас или к счастью или к гибели, смотря по направлению, какое нам заблагорассудится дать им. И воспитание, полученное нами, явно влияет на большую или меньшую разумность этого направления. Итак, если оно имеет такое влияние на индивидуальное, а также и на общее счастье, почему не поискать разъяснения, почему бы не постараться улучшить его всеми возможными способами? Почему бы не приложить к нему, после достаточного испытания, те усовершенствования, которые, так сказать, освящены доказательствами?

Цель стоит того, чтоб подумать, и этого требует здравый рассудок.

Но философская школа еще не закончила своего существования: она идет, скептическая и задорная, она идет, каждый раз оставляя на дороге прогресс, плодами которого она пользовалась. Она идет подобно потоку, который, оставляя свое русло, засоряется корабельными обломками, которые он унес в своем течении вместе с частичками золота.

До сих пор еще смеются над френологией, над хиромантией и над сокровенными науками, но смеются уже меньше, ибо день близок, ибо рано или поздно истина должна открыться.

Ждите, пока умолкнет эхо последних сомнений, ждите терпеливо!

Благодаря этим обесславленным наукам, придет время, когда люди будут не в состоянии притворяться и покажутся без масок, потому что маски тогда не послужат уже ничему – и это время недалеко.

Те, которые будут обладать знанием этих наук и пользоваться им на деле, приобретут такое преимущество над другими в умении пользоваться жизнью, что эти последние, устав быть отгадываемыми, в свою очередь станут изучать эти науки, и тогда человечество сделает громадный шаг вперед. Пускай всегда будут люди, закрывающие глаза перед каким бы то ни было светом, потому что всегда есть класс людей, которыми нужно руководить, класс людей, всегда обязанных покоряться; но свет будет так ярок, что и им необходимо будет наконец принять участие в общем движении.

Следует признаться, что френология и хиромантия во всяком случае требуют согласия от тех, характер которых хотят изучать, но для хирогномики достаточно одного взгляда.

Сближаясь с человеком, с которым он желает сдружиться или стать его покровителем, – гадатель уже знает, как ему взяться за дело, чтоб понравиться. Если он имеет дело с врагом, ему уже заранее известны слабые стороны этого человека и с какой стороны будет произведено на него нападение.

Но возвратимся к нашей исходной точке.

С детьми вовсе не нужно никаких предосторожностей; с ними не может быть никаких неожиданностей. С ними и френология, и хиромантия, и хирогномика, даже физиогномика могут быть употребляемы по желанию.

И если науки эти – истина, если с их помощью можно узнать способности и наклонности маленького существа, являющегося на свет, и развить их, возделывая с первых младенческих лет эти способности – какую услугу можно оказать ему! Будь в нем одно только какое-нибудь качество, им сумеют воспользоваться, а никто не появляется на свет, не имея если не средств к нападению, то по крайней мере средств к защите.

Каждый, даже наименее одаренный, имеет по крайней мере нестройный рассудок, туманный разум, который только тогда становится рассудком, который только тогда становится разумом, когда они направлены к той или другой цели, к которой они необходимо призваны, потому что в ней только – оправдание их бытия. Как силен был бы мир, если б ни одной божественной искры высшего разума не было затеряно на земле, как ни одна былинка не затеряна в природе.

Люди не потому только слабы, что они не растут подобно былинкам, послушные высшему голосу великой матери, но потому что невежество или глупость мешают им его слышать, беспрестанно нашептывая в уши иные снов.

Думаете ли вы, что всегда будет так? Плод никогда не достигает сразу своей зрелости. Ему нужны дождливые и солнечные дни, ему необходимы цвет, потом завязь и наконец плод. Ему необходимы для этой зрелости месяцы, месяцы и времена года; зрелость эта может быть задержана свежестью последних осенних дней, ранними морозами приближающейся зимы, – но он все-таки созревает.

Потому что если Господь где-то написал свою волю, необходимо, чтобы она рано или поздно была прочтена, и вот неизбежно является кто-то, чтоб объяснить ее, когда настало время, когда плод созрел.

Милость Божия бесконечна!

В природу Господь вложил все просвещение и все науки, только он требовал размышления для того, чтобы ее понять, изучения для того, чтобы знать.

Когда студент режет труп, он удивляется и восхищается. Ничто не сравнится с внутренним строением человеческого тела, но для того, чтоб открыть эти чудеса, необходимо было, чтоб любовь к науке вложила скальпель в руки мыслителей. И наружные формы тела не менее удивительны, но чудеса, которые видятся ежедневно, скоро перестают замечать.

Провидение по собственному произволу, который может смутить легкомысленное сердце, сотворило и сильных и слабых, и богатых и бедных, и властелинов и рабов, и могучих и беспомощных.

В то же время, во имя разума и справедливости, для того, чтоб оставить человеку свободную волю и средства к защите, чтоб помешать ему склоняться на каждом шагу, так как жизнь даже для сильных и могучих непрерывная борьба, оно написало характер каждого на его лице, на неровностях его черепа, на формах его руки. И потом также как сказало оно земледельцу: «Взборозди грудь земли, чтоб бросить в нее семя, которое должно питать тебя»; как сказало пловцу: «Ищи перлы в глубине моря», – также сказало оно каждому: «Учись читать! Без труда я не даю ничего; я в лавровые венки вплетаю крапиву, которая жжет лоб; в пиршественные

чаши я выжимаю яд болезней; к богатству я присоединяю скуку и пресыщение; я беру плату за каждое наслаждение, потому что наслаждение – награда и должно быть куплено усилием».

«Ищи и обрящешь».

И потом время от времени, сжалившись над людской глупостью и ослеплением, оно посылает богато одаренного талантами человека, который должен научить людей.

Иногда то бывает поэт, ибо поэзия есть лихорадка разума, и эти избранники могут в опьянении от своих порывов оказываться в состоянии вступить в сношения с высшим миром и, роняя бессвязные слова, подобно кумским Сивиллам, осветить тьму неизвестного.

Иногда то – какой-нибудь великий капитан, который объединяет нации, – цивилизующий законодатель, и наконец является прорицатель.

То Орфей, Гермес Трисмегист, Вергилий, Аполлониус.

Иногда – Лафатер.

Лафатер читает на лице человека и хитрость лисицы, и свирепость тигра, и кротость овцы; он сравнивает и находит; но, потерявшись в своих созерцаниях, ослепленный ярким светом, разлившимся из-за приподнятой им завесы, он путается, запинаясь, бормочет, отмечает, не смея ясно обозначить, и умирает, убитый пьяным солдатом, не окончив своего труда. Но дорога уже указана, и Галль следует по ней. Более холодный, более рассчитывающий, менее поэтический, идущий путем аналогии, которая является фундаментом всех истинных наук, все взвешивающий, изучающий в безмолвии и ничего не дающий на откуп случаю, – он наконец достигает и говорит: я нашел!

Лафатер, робкий и нерешительный, встретил недоверие; Галль, со своим железным характером, со своим убеждением, с непобедимой силой воли, имел последователей: то был уже успех!

У него были враги: то было торжество!

Одно время его слава была безгранична и почти затмевала славу великого капитана, на которого тогда были устремлены глаза всей Европы. Говорят, что воитель на минуту позавидовал новатору.

Но вскоре весь этот шум умолк. Галль был отнесен к классу знаменитых личностей его эпохи, и его система была почти совсем оставлена и забыта.

И система эта, надо признаться, трудна и неудобна в применении, на первый взгляд. И волосы, и прическа очень мешают ее употреблению. Один только лоб остается свободным для изучения, но части лба представляют почти все хорошие качества, а не одни только эти качества желательно изучить. Хотят знать людские инстинкты, причем сначала дурные, чтоб огрadyть себя или победить их, а потом уже хорошие, чтоб ими воспользоваться.

И вот является новый новатор – д'Арпантеньи.

Этот последний угадывает характер по форме пальцев, как хиромантия узнает характеры и судьбу людей по расположению бугорков кисти руки и по линиям, бороздящим ладонь.

Но природа, дав ему способность проникать в ее тайны, думала сделать для него многое и не хотела, чтоб он имел возможность всецело объяснить свое прекрасное открытие.

Необходимо было искать причины в видимой природе, а человек с сильным воображением видит их вне ее.

Его книга искрится умом, она полна тонких наблюдений, рассуждений весьма основательных, – полна превосходно выбранных цитат, портретов, написанных рукой художника, но она не совсем ясна.

Эта книга была бы неудовлетворительной, если б не была снабжена комментариями, ибо д'Арпантеньи, как и все знающие люди, дает своему читателю только общие понятия для того, чтоб тот мог им лучше следовать, и говорит больше об адептах, чем об их учениках.

Метода его – прекрасная клавиатура, но она только учит тому, как пользоваться восхитительным инструментом.

Долгое время, ища как бы упростить и истолковать эту систему, верность которой доказывалась нам каждый день неопровержимыми фактами, мы наконец нашли средство сделать ее доступной всем, объясняя с помощью этой науки древних философов, составивших каббалу (предания).

Исходной точкой нам служат тройная прогрессия и закон природы.

Все соединилось превосходно; мы хотим идти дальше.

Нам необходимо было искать истину в физиологии, химии и физике. Мы даже пытались узнать, не может ли строгая медицина служить нам в наших исследованиях. Знаменитый Биша явился нам на помощь.

Монтень, Рабеле, Гердер, Бальзак и другие великие ученые сходятся с нами и, по-видимому, поддерживают нас.

После многих сомнений, мы наконец убедились в своей правоте и тогда только решились напечатать эту книгу, но с многочисленными цитатами, чтоб и читатель разделил это убеждение с нами.

К хирогномике мы присоединяем хиромантию, которая ее дополняет, – хиромантию, эту древнюю науку, обезображенную в XVI веке невежеством и шарлатанством колдунов, стоявших на перекрестках, и которую нам дано было восстановить пятнадцатилетним серьезным изучением, основанным на опытах.

Мы особенно серьезно занялись звездными знаками и их различными толкованиями.

Занимаясь этими работами, мы могли понемногу изучить все книги, написанные о хиромантии, и с помощью сравнения отыскать истину среди стольких заблуждений.

К хирогномике и хиромантии мы прибавили краткие обзоры френологии и физиогномики, и обязаны показать, выясняя их общее начало, что эти различные науки связаны между собой и не могут быть разъединены.

Мы не изобретали ни физиогномики, принадлежащей д'Арпантеньи, ни хиромантии, зародившейся в Индии и столь же древней, как мир. Между тем в этих науках мы заимствовали полезное, подкрепляя одну другой и обогащая их открытиями, которые мы сделали, соединив эти системы. Мы сделали бы гораздо больше, если бы нашли, как все стараются нас уверить, до сих пор неизвестные причины, от которых зависит, что эти науки объясняют инстинкты до известного предела в будущем.

До известного предела потому, что рок всегда подчиняется свободной воле.

Мусульмане заблуждаются, говоря: «Так написано».

Конечно, для людей, которые без сопротивления отдают своим склонностям и позволяют жизни идти, как она хочет, это утверждение верно.

Опубликование нашего труда имело целью заставить делать могущественные усилия тех, будущность которых ужасна.

Когда считают, что далеки от подводных камней, – на корабле все спит мирным сном, но тотчас же все просыпается при приближении грозы, при первых ударах грома или когда берег охраняют подводные скалы.

Быть может, мы поспособствуем изменению печальной будущности на счастливую! Наш труд будет оплачен и мы сочтем себя удовлетворенными, если читатели будут заинтересованы книгой.

Вступление

Я представляю благосклонным читателям новое издание моего сочинения, и на этот раз с большей уверенностью в истине, потому что это новое издание просмотрено мною с самым большим вниманием. Из него выброшено все, что пятилетние наблюдения мои позволили посчитать неточным или ложным; все, чему не было бесчисленных доказательств, – все уничтожено мною; из метафизической части выброшено все, что мне казалось порождением чрезмерного энтузиазма или нервической экзальтации и сохранено только то, что до некоторой степени основывается на физике или физиологии. Наконец, я обозначил словом предание или сокращением (tr) все сомнительное или непроверенное опытом, заимствованное из этого предания, тьму которого я стремлюсь рассеять.

И таким образом я могу сказать: *Все, что находится в этой книге, – истина.*

Но необходимо также, чтоб другие узнали эту истину.

Мне остается раскрыть еще многое, потому что я не иду более наугад к неизвестным пределам, я достиг этих пределов, и оттуда, как властелин над общим, бросаю взгляды и на пройденную уже дорогу и на ту, ясно видимую мне, которую мне остается пройти.

В течение пяти лет непрерывного изучения интересующих меня материалов я сделал множество открытий, особенно в области медицины, но конечно не в терапевтической медицине, с которой я вовсе не желаю иметь дела, но в другой специальности, быть может, более полезной. Точное определение несовершенства организма и будущих болезней, происхождение, исходная точка этих болезней, их время, – все это также ясно обозначается в различных формах руки и в иероглифических линиях, бороздящих поверхность ладони, как ясна для самого неопытного доктора чахотка по особенным формам первых суставов пальцев.

Мы пытались, как это сейчас будет видно, основать наше гадание на физиологических выводах о человеческой натуре в той мере, насколько человеческая наука могла довести развитие физиологии, но надо признаться, что в нашей системе раскрытия тайн до сих пор находятся такие вещи, которые невозможно объяснить посредством науки и которые явно принадлежат к тому порядку вещей, отношение которых к нашему организму еще не открыто, но которые между тем несомненны, ибо каждый день дает нам новое доказательство их существования.

Понятно, что все это подтвердится когда-нибудь естественной гармонией, но до сего времени мы только безмолвно стоим пред этими тайнами, подобно дорожным столбам, не могущим сказать, кто провел эту дорогу.

Но к чему эти откровения, которые легко доказать в нашу эпоху? Потому ли (все является в свое время), что когда все растлеваются и материализируется, тогда должна, без видимой причины, появиться новая наука, как противоядие против яда, доказывая позитивной метафизикой новое движение? Потому ли, что в это время нравственного растрепания необходимо свободно изучить и легко отличать каждое дурное явление, из боязни быть каждую минуту нравственно обворованным? Потому ли наконец, что учение это появилось вследствие необходимости, вследствие требования быстро бегущего времени и оно должно пройти по свету подобно тому, как путник пробирается по лесу, пользующемуся дурной славой, с карабином в руке, с револьвером и кинжалом за поясом, обследуя каждое дерево, каждый кустик.

Несчастье тому, кто идет, полный поэтических грез, напевая веселую песню, мечтая о каких-то таинственных феях.

Мудрая аксиома «Познай самого себя» была в свое время уместна в философии; теперь же ее заменила иная аксиома, более подходящая для настоящего времени, и эта аксиома звучит так: «Учись познавать других!»

Так нужно! И вот, неизвестно откуда появляется оселок, открывающий свинец под листами чистейшего золота и под улыбкой добродушия – человеческую злобу. Не должны ли мы сказать, что это Провидение?

Один рассказ Александра Дюма дает понятие о том, что мы можем сделать. Вот что писал он на другой день после опыта, произведенного им самим:

«Я, – говорит он, – питаю большую привязанность к Дебарролю, и эта привязанность существует уже тридцать лет. Это превосходный друг, испытанный мною и в хорошие и в дурные дни, – друг, всегда встречавший меня с той же улыбкой и покидавший с тем же пожатием руки. Я путешествовал с ним и нашел в нем превосходного товарища в путешествии; вещь редкая, потому что ничто не показывает так шероховатостей характера, как путешествие, особенно в тех странах, где путешествовать затруднительно: такова Испания. Когда два человека друзьями вошли в нее, оставались в ней три месяца и друзьями из нее вышли – эта дружба на жизнь и на смерть.

Дебарроль, сделавшись хиромантом, посвятил в таинства своей науки женщину, с умом ясным, с красноречием чистым и элегантным, тонкий и проницательный взгляд которой быстрее самого учителя проник в тайны руки.

Это единство искусства и идей, которое существует между Дебарролем и посвященной им, дает им возможность представлять неопровержимые доказательства истинности их науки. Один из них, тот или другой – все равно, рассматривает руку, изучает ее, объясняет, рассказывает прошедшее, предсказывает будущее... Другой, отсутствующий в комнате, входит, берет руку и объясняет в свою очередь, ни на минуту не отдаляясь от того, что говорил его собрат.

Вечером того дня, когда он получил телеграмму, Дебарроль явился ко мне, сопровождаемый или, лучше сказать, предшествоваемый его ученицей.

У меня он нашел обе обещанные руки.

Они принадлежали прекрасной и мужественной личности двадцати семи лет, с черными блестящими глазами, с целым лесом ее собственных волос, – вещь редкая в наши дни, – с жемчужно-белыми зубами, с кожей, несколько опаленной солнцем, но полной жизни, и как особенный знак носящей на щеке яркий след великолепного сабельного удара от уха до рта.

Она прошла в мою комнату вместе со мной и подала ученице моего друга обе руки, сильные, но прелестнейшей формы, две руки, с сильно выдавшимися бугорками – Марса, Меркурия, Аполлона, Сатурна и Юпитера, и с очень широким бугорком Венеры, с линией жизни, резко продолженной через три или четыре побочные ветви.

– В добрый час! Вот прелестная и счастливая рука! – вскричала гадалщица, в то время, когда Дебарроль, остававшийся в столовой, рассматривал руку Альберика-Сегона. И потом, не задумываясь, продолжила:

– Двойной блеск. Блеск семейства и свое собственное возвышение!

Обладательница руки сделала стыдливое движение.

– Правда, – сказал я, – продолжайте.

И гадалщица продолжала:

– Пяти лет вы подвергались смертельной опасности.

– Не могу припомнить, – ответила пациентка.

– Припоминайте, припоминайте... невозможно, чтобы я ошибалась. Видите эту побочную ветвь у начала жизненной линии... Ищите в воспоминаниях детства...

– Быть может... но нет, невозможно, чтоб вы это видели на моей руке...

– Я вижу опасность смерти, – какой, я не могу сказать.

– Да, да, я начинаю припоминать. Пяти лет я была в Брезоле; у отца моего был ручной леопард. Однажды я уснула в саду, лежа на траве; вдруг леопард бросился на меня, как бы намереваясь растерзать и разорвать в клочки мое платье. Отец, думая, что леопард думает сожрать меня, подбежал, чтобы защитить меня; в то время я проснулась и обратилась в бегство.

Из-под моей одежды упала мертвая коралловая змея: это до нее добирался леопард и разом раздробил ей в своих челюстях голову.

– Вот видите, – ответила гадалка, – я знала, что не могу ошибиться.

И она продолжала:

– Пятнадцати лет вы снова были близки к смерти, но на этот раз от яда.

– Пятнадцати лет у меня была тифозная горячка.

– Тифозная горячка – это болотное отравление, – заметил я.

– Нет, – возразила гадалка, – она могла иметь тифозную горячку, но та была только результатом; когда я говорю – тифозная горячка, я подразумеваю желтую лихорадку.

– На этот раз вы тоже могли бы быть правы, – ответила изучаемая личность. – Однажды, прогуливаясь в лесу, я встретила неизвестное мне дерево, у которого плоды несколько напоминали тыкву. Они были превосходного красного цвета, и когда раскрывали их, находили три или четыре ореха с прелестной бархатистой поверхностью. Я принесла все это домой, но ни отец, ни мать не знали этих плодов. Орехи были так милы, что вечером их употребляли в игре вместо мячиков. Я взяла один из них и неоднократно подносила к губам, наслаждаясь этим сладостным прикосновением. Один молодой человек, влюбленный в меня, делал то же. В ту же ночь я почувствовала страшную жажду. Губы мои начали трескаться, а наутро у меня открылась ужасная рвота; через три дня обнаружилась желтая лихорадка. Молодой человек, подвергшийся таким же припадкам, также получил желтую лихорадку, но не был так счастлив, как я: он умер. Я возвратилась к жизни.

– Теперь, – продолжала гадалка, – самая большая опасность, которой вы избежали, опасность внезапной смерти между девятнадцатью и двадцатью годами, – опасность эта относится к удару сабли, следы которого остались на вашем лице. Эта опасность соединяется с пожаром, не правда ли?

– Да, в то время подожгли одну часть дома, пока в другой убивали.

– Но тут, – продолжала ученица Дебарроля, – появляется странный феномен: линия счастья, прерванная этой страшной катастрофой, делается от нее даже сильнее и продолжительнее. Можно сказать, что, утратив многое для сердца, вы выиграли со стороны материального благополучия.

– Все это удивительно верно.

– Наконец, два года тому назад, вы снова избежали довольно большой опасности: это должно было быть в то время, когда вы родили вашего третьего ребенка.

Утвердительный знак головой был ответом на этот последний вопрос.

– Наконец, – продолжала сивилла, – вы ничего не должны бояться до сорока пяти лет. В сорок пять лет вы подвергнетесь опасности на воде; потом, когда пройдет эта опасность, линия жизни снова становится могущественной, и магический круг, продолжающий эту линию, обещает вам долгую и счастливую жизнь. Переходя к главным знакам, я вам скажу, что, хотя вы женщина, у вас рука солдата: воинственная и властолюбивая, вы любите телесные упражнения, движение, лошадей; у вас очень тонкий такт; ни одно из ваших чувств не носит на себе характера рассудочности, напротив, вы инстинктивно поддаетесь симпатии и антипатии. Будь вы мужчина, вы сделали бы солдатом; свободная в своем выборе, – вы стали бы актрисой.

Изучение руки было кончено гадалкой. Мы перешли в столовую, где Дебарроль, взяв руку г-жи Эмера, повторил ей то же самое».

Эта женщина, которая едва было не умерла в пять лет от укуса коралловой змеи, пятнадцати – от отравления плодами манканиллы, девятнадцати – во время восстания, а двадцати пяти – во время родов, эта женщина с воинственными наклонностями, с линией счастья, изломанной и восстановленной, с театральными наклонностями, с сильными инстинктами, – эта женщина была та самая героиня Иеддо, историю которой рассказывал я в *Иллюстрированном журнале*.

Этот рассказ во всем соответствует истине. Стараясь быть кратким, Дюма забыл, что мы указали на фатальную смерть двух родственников этой дамы во время катастрофы, что тоже было правдой.

Предполагали, что я унаследовал мою систему от хиромантов XVI века, но это ошибка, потому что XVI век был истинным несчастьем для хиромантии, в том смысле, что без всякого сомнения когда-то истинные предания сначала исказились, а потом и вовсе утратились. Эпоха была увлечена чудесным, первоначальное учение нашли слишком простым, слишком легким, и так как занятие сделалось выгодным, то явилась целая стая шарлатанов, ставших предсказателями; без предварительного изучения, подчиняясь будто бы вдохновению или счастью, они начали писать книги о хиромантии, чтобы освятить свою доктрину. Наука была унижена вследствие подобной запутанности, и мне пришлось возобновлять ее.

Как плоды многих трудных изысканий, я сохранил некоторые из редких учений, которые, казалось мне, согласовались с общим; некоторые знаки, которые были, по-видимому, уважаемы всеми, и та часть из них, уцелевшая от всеобщего истребления, которая оказалась истинной, также совершенно принята мною. Что касается других, я их обозначил в моем сочинении или словом *предание*, или сокращением (*tr*), оставляя за собой право вводить их в мою хиромантию без комментариев, смотря по тому, насколько они заслуживают доверия. И я должен здесь сказать, что начиная с первого издания моей книги, я не встретил в бесчисленных попытках использовать их ни одного случая, который доказал бы мне их совершенную истинность.

Из уважения к преданиям, я оставил во всяком случае упоминания о них, потому что я чувствую отвращение при необходимости отбрасывать то, что когда-то было изучаемо. Но они мне кажутся подобными колеблющимся руинам языческого храма, которым можно позволить существовать, как воспоминанию об ином времени, но на которых следует опасаться строить.

Только каббала, как я сейчас объясню, указала мне истинную дорогу к настоящей основе хиромантии, чего древние рядовые хироманты не могли понять, потому что большинство из них не имело никакой общей идеи. Я говорю о системе звездных знаков, указанной в одной из глав моей книги под заглавием «Человек и его отношения со звездами».

Это и есть истинная хиромантия – хиромантия первоначальная. Здесь главные семь линий ладони, которые имеют значение только в соотношении со звездными знаками, составляют основу предания, действительно античного, потому что оно в одно и то же время принадлежит и астрологии, и языческой религии. С его помощью я думаю перестроить совершенно систему, основав ее на логике и двигаясь от известного к неизвестному.

И так как страстное желание привлекает помощников, – судьба почти в начале моего поприща свела меня с одной дивной женщиной, которая, присоединившись к моим изысканиям, внесла в них, сверх чудесной учености, ту тонкость и чувствительность созерцания, которыми обладают только женщины.

Так же мне был, видимо, полезен д'Арпантеньи.

Он сделал прекрасное открытие, но, указывая путь, он не подумал, что если наружные формы руки, которые сами по себе обозначены, ясны и которые принадлежат к материальной, так сказать, негативной части тела, дают такие странные вещи, то формы внутренние, в которых присутствует осязание и нервная чувствительность, особенно ладонь, принадлежа к позитивной части организма, должны доставлять самые обильные и удивительные материалы для выводов. Одним словом, он не заметил, что хирогномика не объясняет и не может объяснять ничего, кроме инстинктов, и что инстинкты каждую минуту могут быть направлены страстями на то или другое, то есть что страсти господствуют над инстинктами. И так как хиромантия и звездные знаки объясняют и инстинкты, то и можно обойтись без хирогномики, и вероятно поэтому-то древние и не занимались ею, но в то же время они еще более подробно объясняют страсти во всех их проявлениях и даже говорят, куда могут привести эти инстинкты и эти страсти.

Он, конечно, знал, что существует хиромантия. Но как все изобретатели, он презирал предание, выступающее из тьмы шести тысяч лет, или, быть может, он остановился перед громадной работой по утилизации остатков знаний минувших веков.

Без сомнения, предание доходит до нас обезображенное заблуждениями, но точно то же происходит со всеми вещами, которыми насытились, во время долгого течения веков.

Работа изыскателя – восстановить первоначальные формы, так же, как работа историка заключается в умении отличить истину от лжи.

Промывая беспрестанно песок великих золотоносных рек, старатели только после этой долгой промывки находят наконец чистое золото. Изобретатель или основатель учения заслуживает уважения, но не должно, без опасности лишиться славы, нестройные элементы науки, как бы остроумны они ни были, ставить в один ряд с давно уже опробованными результатами этой науки.

Что скажут теперь о компании галиотов, основанной для конкуренции с пароходами, или о почтовой конторе, конкурирующей с железными дорогами? Я понимаю, что можно бросить доброжелательный взгляд на прошедшее, но нельзя отставать от времени, которое бежит.

Ничто не может быть более благоприятным для моей системы, чем если ее поставят в один ряд с хирогномикой. Тогда увидят, что я сделал из этой прелестной и умной, но нестройной науки.

Тогда увидят, что этот алмаз я огранил и превратил в бриллиант.

Бальзак и хиромантия

Физиологические исследования

Нервное сообщение между рукой и мозгом как следствие электричества. Линии, проходящие по ладони, обозначились именно вследствие этого сообщения.

С той самой минуты, когда я начал заниматься хиромантией, то есть с того времени, когда довольно большое число явлений привлекло мое внимание к этой малоизвестной науке, еще не совершенно убедив меня в ней, я стремился отдать себе отчет в этих явлениях, основываясь на всемирной гармонии; я изучал систему каббалистов, приписывающих звездам нашей системы влияние на все сотворенное и в особенности на человека, признающих соотношение инстинктов и даже страстей с телесными формами, которые, по их мнению, ведут к добру или злу, смотря по счастливому или неблагоприятному положению звезд нашей системы в минуту рождения ребенка или, быть может, в минуту его зачатия, не без того однако же, чтоб не при-
дать значения ограничениям, которые внесло в науку наследие отцов и собственное Я, это таинственное ядро, которое действительно составляет бытие, человеческую индивидуальность.

И тогда я сказал самому себе, что эти метафизические искания, которых совершенно я не отвергал, должны также быть объяснены физически, как и все другие истинные науки.

И я начал свою книгу тем, что прежде всего разъяснил каббалистические предания.

Потом, чтоб заставить серьезные умы заняться исследованием моих трудов, я обратился к физиологии и стремился в этой книге, в главе «Физиология», опираясь на авторитет знаменитейших физиологов, доказать, что нервная жидкость, приходящая извне, движется влиянием мозга. Этот неизвестный двигатель, подобный тройственной Гекате древних, в своих различных оттенках носит название электричества, света и магнетизма.

Это тот двигатель, который, по словам философа Гердера, первенствует во всех душевных движениях. Это, по его мнению, даже сама душа. «Мысль моя, – говорит он, – ничто иное как этот дух света, который проникает все живущее на земле и соединяет в этом живущем самые разнообразные силы творения».

Я хочу теперь отыскать, не находится ли эта невесомая жидкость, этот проводник в прямом соотношении с мозгом, и не является ли он причиной тех линий, которые проведены по ладони. Только таким образом можно разумно объяснить предсказания хиромантии.

Но прежде, чем дойти до этих серьезных трудов, мне кажется необходимым создать фундамент, установить исходную точку моей системы.

В природе все находится в соприкосновении, в ней все – гармония.

Чтоб убедиться в этом, стоит только оглянуться кругом. Каждое моральное изменение, будет ли то прогресс или упадок, отражается на внешности. Красота и врожденное изящество уничтожаются разгулом и принимают низменное выражение. Безобразие украшается выражением ума или даже только привычкой к умственным занятиям.

Дух влияет на тело, и, в свою очередь, телесные формы человека влияют на его нравственную сторону.

Ясно, что физиологи признали (и в этом случае они совершенно сходятся с каббалистами), что у животных формы тела находятся в соотношении с их различными инстинктами.

Таким образом, изучение этих форм в согласии с инстинктами должно открыть наблюдателю человеческий характер.

Эти разоблачающие формы, которые древние называли знаками, располагаются по всему телу, а не на одном только черепе или лице, как полагали Галль и Лафатер.

В человеческом теле все стремится установить одну цельную индивидуальность, все находится в полном согласии, дабы создать отличную от других личность.

Все: и черты лица, и неровности черепа, и рост, и длина членов, и походка, и взгляд, и голос, и движения, и даже почерк.

Какое же орудие служит для воспроизведения жестов и почерка? Рука.

Все – во всем, говорили древние философы, и если это правда (а это правда), почему рука, столь чувствительная и полная выразительности, – не может быть верным зеркалом сущности человека?

Аристотель говорит, что рука в человеческом теле есть орган или инструмент по преимуществу, Бальзак, со своей стороны, приписывал руке не менее важное значение.

В *Физиологии брака* он говорит:

«Во все времена колдуны хотели читать будущее человека по линиям, которые не имеют ничего фантастического и которые находятся в соотношении с принципами жизни и характера».

И потом добавляет:

«Учиться узнавать чувства и атмосферические изменения руки (что почти всегда беспрепятственно позволяют женщины), – наука менее неблагодарная и более верная, чем изучение физиономии.

Таким образом, вооружась этой наукой, вы можете вооружиться великим могуществом и будете иметь нить, которая может руководить вами в лабиринте самых непроницаемых сердец».

Мы видим, что Бальзак говорит о предсказаниях по линиям руки, которые не имеют ничего фантастического. Но он не останавливается на этом и еще яснее выражает свою мысль в *Братце Понсе*:

«Если Бог, для некоторых ясновидящих умов, написал будущность каждого человека на его физиономии, понимая это слово в смысле общей экспрессии тела, то почему рука не может резюмировать этой физиономии, так как рука есть полнейший и даже единственный выразитель человеческих действий.

Мы говорим о хиромантии.

Не подражает ли общество Богу? Предсказать человеку случайности его жизни по виду руки не так ли легко для человека ясновидящего, как легко обыкновенному человеку сказать солдату, – что он будет драться, адвокату, – что он будет говорить речи, сапожнику, – что он будет шить сапоги, земледельцу, – что он будет удобрять землю и снимать с нее жатву».

Бальзак идет даже дальше.

«Заметьте, – говорит он, – что предсказать великие происшествия будущего для ясновидящего столь же легко, как и разгадать прошедшее».

Для неверующих и прошедшее и будущее равно закрыты.

Если совершившиеся уже происшествия оставили следы, можно верно заключить, что будущее имеет корни.

Как только гадатель до мелочи объясняет только вам известные случаи вашей внутренней жизни – он может также сказать, к чему приведут существующие вещи.

Духовный мир создан, так сказать, по образу мира вещественного. В нем должны встречаться одинаковые последствия, с различиями, свойственными их различным средам.

«Подобно тому, как тело вещественно выдается в атмосфере, оставляя существовать в ней этот спектр, который схвачен дагерротипом, точно таким же образом идеи, как реальные и действующие создания, отражаются на том, что следует назвать атмосферой мира духовного, производят следствия, живут подобно отражениям, схваченным призмой, и из этих-то отражений известные личности, одаренные редкими качествами, могут схватывать ясно формы или следы идей».

Следует заметить, что энтузиазм Бальзака был сильнее нашего, потому что этот ученый утверждает здесь, а через несколько страниц еще энергичнее, что дар откровения принадлежит только исключительным натурам, тогда как мы утверждаем, что все люди могут, не приходя в экстаз и не касаясь сверхъестественного мира, приобрести эти драгоценные качества, конечно (как это видно во всех других науках и искусствах), в большей или меньшей степени, смотря по большим или меньшим способностям, смотря по более или менее энергичным усилиям, внесенным в изучение.

Со своей точки зрения Бальзак был прав.

Ясно, что существуют отдельные личности, обладающие инстинктивным прозрением будущего, – даром двойного зрения, но то бывает минутами.

Но во всех науках и во всех искусствах существуют два способа суждения и успеха: с одной стороны – созерцание, с другой – вычисление и приобретенные сведения.

Вычисление – это эмпиризм, это, так сказать (ибо часто ошибаются в объяснении этого слова), опыт, приобретенный фактами, и классификация этих фактов с помощью сравнения.

Точно так Галль поступал при изучении соотношения характера с инстинктами.

Мы, в свою очередь, хотим продемонстрировать вам победу вычисления над прорицанием.

Вычисление имеет перед прорицанием то великое преимущество, что оно – постоянно, и, двигаясь постепенно, вернее близится к прогрессу, тогда как мистицизм не может быть точным уже потому, что он основан на излишнем нервном возбуждении, действия которого редко имеют постоянную силу и которое может, если оно чрезмерно или недостаточно, привести к заблуждению.

Поищем теперь, посредством более отвлеченного изучения, не может ли вычисление, несмотря на свою метафизическую исходную точку, найти серьезное основание в физиологии.

Нервы, подобно сети покрывающие все тело, вместе с кровью заставляют двигаться жизненное электричество, которым они напитаны. Нервы имеют форму трубочек и содержат в себе очень острую улетучивающуюся жидкость, которая, без сомнения, есть основа чувствительности.

Один лондонский медик, – доктор Бентли, еще в 1849 году говорил, что на нервы следует смотреть как на электрические телеграфы, а артерии можно сравнить с железными дорогами, потому что различные субстанции, в известные периоды и в постоянном порядке, вещественно переносятся ими с одного конца на другой.

По его мнению, нервная система могла бы быть электрическим телеграфом, центр отправления которого мог бы быть в согласии с общим чувствилищем (*sensorium commune*), но, прибавим мы, первые действия которого начинаются извне.

Действительно, именно из мозга выходят нервы – проводники электричества – и из него изливается в пять раз больше крови, чем из остального тела.

Ранее мы сказали, что кровь вместе с нервами содержит все жизненное электричество. Таким образом, мозг является резервуаром невесомого агента (жидкости или электричества), представляемого кровью и нервами.

В нем находится, так сказать, средоточие жизни духовных способностей и, по всей вероятности – пребывание души, потому что в нем находятся четыре главные агента души, называемые зрением, слухом, вкусом и обонянием.

Пятое чувство – осязание – более отдалено от мозга, но быть может, оно, так же как и другие, имеет не менее прямое с ним сообщение. Быть может, оно даже деятельнее других сообщается с ним. Именно это мы и хотим здесь исследовать.

Есть два рода нервов, назначение которых различно: одни управляют движениями, другие – чувством или чувствительностью.

Нервы, выходящие из спинного мозга и из продолговатого мозжечка (из головного), переходят в руки; те же, которые управляют чувством, несравненно важнее управляющих движениями.

Следует заметить, что у менее совершенных животных, обладающих большой мускульной силой, например, у лошади, нервы движения на треть больше нервов чувствительности.

Но это еще не все.

Физиологи утверждают, что если пальцы – орудия душевной жизни с сознанием действия, то ладонь, делающаяся горячей во время лихорадки, сухотки и в главных случаях дезорганизации вследствие раздражения, есть очаг инстинктивной жизни души. Агентами сообщения этого избытка инстинктивной жизни могли бы быть и бугорки ладони и большее или меньшее количество атомов Пачини, действующих на нервы, на ней находящиеся.

Эти атомы, встречающиеся на ладони, на бугорках и на концах пальцев руки, в количестве 250–300, суть пучки нервов, открытых Пачини и ясно выражающих свою исключительную принадлежность руке, в качестве сгустителей нервного влияния вследствие действия электричества, в то же время они суть и резервуары этого электричества и дают руке чрезвычайную чувствительность.

Без сомнения, зрение и слух, а в более материальном и низшем порядке – вкус и обоняние передают свои впечатления мозгу, но эти четыре чувства существуют изолированно и бессильны против наружного противодействия.

Они, так сказать, негативно отражаются в мозгу и успокаиваются тотчас же, как только окончилась их обязанность предостерегать.

Только глаз возвращает впечатление, но и то неполно и как бы пассивно.

Совершенно другое дело рука, передающая чувство осязания. Она находится в соотношении со всеми чувствами и соединяет их в себе. Она исполняет волю мозга и мыслей.

Без нее качества прочих чувств будут бесполезны и бессильны; она есть помощник человеческого голоса, – высший дар человеку, ибо слово может быть заменено жестами.

Это голос глухонемого. Это она вырывает его из уединения и возвращает миру.

Вместе со звуком и зрением рука составляет одно общее, но имеет перед ними то преимущество, что она их восполняет.

И в ночи, когда осязание заменяет зрение, рука предупреждает мозг.

Наблюдая действие осязания, находящееся в согласии и с духом и с материей, видя, как оно как бы сортирует духовную пищу мысли, большинство философов согласились признать за ним свойство чувства направляющего и изменяющего все другие.

И Бюффон, и Гердер, и Ришеран думали таким образом и не замедлили написать об этом. Мы только что видели, как думали об этом Аристотель и Бальзак. И действительно, рука, вследствие исключительной чувствительности, передает мозгу впечатления, заставляющие идеи излиться.

Если я уделил место в моей книге сомнениям Миллера по нерешенному еще в его время вопросу о том, разливается ли невесомая жидкость от мозга к перифериям или от периферий к мозгу; если я уважал блистательную страницу Гердера за его блистательный стиль, то это только потому, что я желал объяснить с помощью известных физиологов саму невесомую жидкость.

Но еще при первом издании моей книги, еще не зная уроков опытной физиологии нашего знаменитого Клода Бернара, которые не оставляют по этому вопросу ни малейшего сомнения, сам я так мало сомневался, что основал всю мою систему хиромантии на всасывании от периферий к центру и выдыхании от центра к перифериям; систему эту я объяснял, принимая за исходную точку сравнения зеркало, воспринимающее и отражающее солнечные лучи почти в одно и то же время.

Таким образом, рука, точно так же как зрение, точно так же как слух, своими органами осязания, даже формой своих всасывающих пальцев не только передает впечатления мозгу, но

и передает их исправленными, вследствие позитивного контроля этого чувства, и только она отражает волю самым действием, совершением этой воли, чего без нее не могло бы и быть.

Без нее была бы немыслима жизнь, ибо действие или движение есть создание, есть жизнь.

Это безостановочное, это непрерывное движение чувствительности, возбужденной электричеством, не должно ли оставить на своей дороге отчетливых следов?

Разве не видят в природе, что самый плотный мрамор изменяет свою форму вследствие непрерывного трения ногами прохожих?

Разве не видел я в Риме, в церкви Поацели, каменные ступени, стертые коленями молящихся? Разве не видел я в соборе Св. Петра следы поцелуев богомольцев на бронзовых ногах апостольских статуй?

Одно только искреннее чувство не могло бы этого сделать.

Ничто не должно быть безучастным в столь необходимом органе, и линии, проходящие по ладони, столь, по словам физиологов, выразительной, что она одна, в случае надобности, указывает своим огненным жаром и лихорадку, и чахотку, и главные случаи дезорганизации вследствие раздражения, – эти линии, говорю я, выраженные на очаге инстинктивной жизни души, как будто неотделимые от этих пачиниевых атомов, от этих резервуаров электричества, о которых я уже говорил, могли бы быть в их безграничном различии простой игрой случая, капризов природы, которая имеет необходимые неправильности, но не имеет капризов.

В действительности такого не может быть.

Аристотель, озаренный, быть может, преданиями египетских жрецов, придавал этим линиям великое значение, которое человек должен бы стараться открыть.

Он говорит (*De coelo et mundi causa*), что линии не без причины проведены по руке человека и что они произошли вследствие небесного влияния и собственной человеческой индивидуальности.

И я думаю, что совершенно соглашусь с ним, приписав электричеству то, что он приписывает влиянию небесному.

С тех пор как неопровержимые опыты Юнга и Френеля заменили системой полноты систему пустоты, признанную Ньютоном и в общем признаваемую наукой и до сих пор, с тех пор как согласились, что небесное пространство наполнено газообразной субстанцией, достаточно плотной в своей жидкости для того, чтоб замедлить движение комет, которая, наполняя таким образом все пространство, приводит в сообщение миры; с тех пор как открытия Меллони и фотография Луны доказали, что Луна также испускает теплоту, – не будет неблагоприятно думать, что электричество, которое также есть свет, теплота и магнетизм, служит мировой связью и переносит от одной планеты к другой взаимное влияние небесных тел. И без сомнения, человек (сам по себе маленький мир) принадлежит к этой бесконечной цепи мировой гармонии.

Идея эта, некогда признаваемая Тихо Браге, Кеплером и Бэконом, уже близка если не к принятию, то по крайней мере к тому, что современная наука будет терпима к ней.

В Четенгеме знаменитый профессор д'Обине, председательствуя на одном из последних заседаний британского собрания, говорил следующее в своей вступительной речи:

«Если на направление куска стали, подвешенного в нескольких футах от земли, может, как уверял полковник Сабин, влиять положение такого тела, как Луна, отстоящего на 200000 миль от нашей планеты, то кто может обвинить в странности верование древних астрологов во влияние планет на человеческую судьбу?»

Мы принимаем это беспристрастное признание науки. И в настоящую минуту, опираясь на это признание, мы поищем доказательство того, что электричество или другая свободная сила той же природы, – душа и связь миров, – есть причина линий, обозначенных на ладони.

Мы видели, что древние маги, а за ними и Аристотель, признавали, что эти линии, так же как и телесные формы, называемые знаками, творились под влиянием звезд и особенно под

господствующим влиянием той минуты, когда ребенок являлся на свет, но под влиянием, во всяком случае умеряемом личностью или индивидуальностью, а также, без сомнения, и тем, о чем не говорил Аристотель: наследственностью и земным электричеством.

Многие физиологи скажут вам, что линии эти образовались вследствие движений руки; но руки рабочего и вообще людей простого класса, которые явно находятся в большей деятельности, чем праздные руки, не имеют на ладони почти ни одной линии, исключая главных, тогда как, напротив, у праздных людей и в особенности у светских женщин внутренняя сторона руки почти сплошь покрыта линиями.

Но я сейчас приведу наиболее веское доказательство в пользу моей системы: линии уже существуют и их легко различить у только что родившегося ребенка.

Каждый может убедиться в этом, ибо у нас есть бесчисленное множество доказательств, основанных на постоянных наблюдениях, что линии, проходящие по ладони, изменяются по роду занятий и особенно занятий умственных, всего же чаще вследствие влияния упорной воли.

Несомненно, и все согласятся с этим, что инстинкты могут быть видоизменяемы воспитанием, и если нужно, воспитанием безжалостным, но особенно привычками.

Если электричество, которое непрерывно приливает извне к мозгу и от мозга стремится наружу, будет следовать, вследствие усилия воли, по постоянному направлению, то согласившись с этим, мы поймем, что электричество проводит на ладони эти линии, что оно должно оставить следы.

Вода, капля по капле непрерывно падающая на одно место, оставляет след и на граните.

И если (что неоспоримо) электричество есть в одно и то же время свет, теплота и магнетизм, то мы, с различными видоизменениями, живем посреди окружающего нас электричества, которое может связать нас с влиянием планет с помощью эфира, вдыхаемого и выдыхаемого нашей нервной системой.

Идеи эти, как только что я сказал, без сомнения странны и их можно не признавать, но невозможно дать доказательств противного, и так как нам не будет дано этих доказательств, то вместе с д'Обине мы думаем, что древние не совсем ошибались, приписывая планетам могущественное влияние на землю.

Теперь мы проследим, проведены ли эти линии руки электричеством, идущим от руки к мозгу или от мозга к руке.

Вот что мы видели в продолжение наших занятий.

Однажды является ко мне один господин; это было зимой и на нем был плащ, который он просил позволения не снимать.

Я предложил ему не стесняться.

Он мне подал левую руку, и я тотчас сказал ему:

– Вы военный.

– Быть может, – согласился он, – но прошу вас, продолжайте.

– Это сказано не без умысла, – прибавил я, – я только что сказал вам, что вы военный. Я видел на вашей руке, что вы получили рану, но только не на войне.

– Почему не на войне? – спросил он с удивлением.

– Потому, – ответил я, – что рана, полученная вами на войне, была бы благоприятна для вашего повышения, тогда как эта испортила вашу карьеру.

Господин не ответил ничего и сбросил свой плащ. Его правая рука была подвязана шарфом.

– Я хотел видеть, – сказал он тогда, – можете ли вы угадать что-нибудь, но все-таки это странно. Действительно, рану эту я получил не на войне, хотя при Сольферино я находился среди сильнейшего огня; она получена на охоте. Я сидел уже в карете и взял ружье за дуло;

раздался выстрел и весь заряд вошел мне в плечо. Нервы были повреждены. С этого времени рука моя бесчувственна, как будто мертвая, и я не могу ею двигать.

– Не будете ли вы столь добры, – спросил я его, – показать мне эту руку?

– Охотно, – сказал он, – но вы не увидите ничего особенного, она совершенно похожа на другую, исключая только ее бесчувственность.

И, сказав это, он просил помочь ему разбинтовать эту руку.

Когда бинты были сняты, я внимательно стал ее рассматривать.

Действительно, его рука снаружи ничем не отличалась от другой, но каково было мое удивление, когда я стал рассматривать ее внутреннюю сторону!

Все линии ладони исчезли.

Она сделалась совершенно гладкой.

Таким образом, линии эти исчезли в ту минуту, как только перестали существовать нервы, соединявшиеся с мозгом. Следовательно, эти линии сформировались и поддерживались только этим соединением, иначе рука могла стать совершенно мертвой и все-таки сохранить линии.

Мне кажется, достаточно одного этого примера; исходя из общего, мы подойдем к мысли, что если электричество, уничтожаясь в одной части тела, умерщвляет ее, то, уничтожаясь во всем организме, причиняет полную смерть и что оно, быть может, есть тот мировой агент высшего могущества, который дает жизнь всему сущему.

Не было ли сказано, что паралич приводит к тому же?

Это ясно, и мы это видели.

Таким образом, мы имеем одним доказательством больше и не станем отыскивать новых.

Но я обязался доказать на основании физиологии разность между хиромантией и хирогномикой.

Внутренность руки, ее положительная сторона, где пребывает осязание и нервная чувствительность, включает, как сказано нами, 250–300 пачиниевых атомов; поверхность (ее отрицательная сторона), на которой основана хирогномика, – не содержит ни одного.

Легко понять различие результатов этих двух систем, когда я скажу, что большой палец у идиотов не имеет этих атомов или что они не заметны.

Понятно после этого простого объяснения, основанного на неопровержимом факте, что хирогномика была бы здесь бессильна и что она может дать только незначительные результаты, ибо она, повторяю я, может раскрыть только одни инстинкты, которые каждую минуту могут быть направлены ко злу господством страстей, душевных способностей и даже личными свойствами, которые с такой заботливостью изучены хиромантией.

Я не отвергаю, что принужден был начать с хирогномики, но я тотчас же почувствовал ее несостоятельность и стал стремиться далее; с помощью эклектизма я распространил науку почти до бесконечности, посредством видоизменений и модификаций, которые каждую минуту беспредельно расширяют область науки.

Перейдем теперь к не менее важному вопросу.

Надо признаться, что мы намерены вывести невероятные, даже невозможные вещи, – но в наш век, после чудес пара и электричества, почему и не поверить хотя бы немного невозможному?

Наконец, физиологическая часть хиромантии, – та, которая объясняет соотношение наружных форм с инстинктами и характером – в большей своей части уже признана.

Галль уже проложил дорогу.

Правда, мы идем дальше; мы притязаем на прочтение важнейших случаев прошедшей жизни, не всегда, однако, специализируя их, и занимаясь главным образом опасными болезнями и определением эпохи их существования.

Нам кажется, что и этого уже достаточно.

Великие потрясения организма, каковы болезнь или печаль, могут оставить следы на физиономии человека, изменить черты лица и его выражение, провести морщины и в одну ночь сделать седыми волосы. Эти следы могут так же выразиться и на руке, как и на физиономии, потому что я думаю, что рука прямо соединяется с мозгом.

Но мы идем еще дальше.

Мы имеем притязание обозначить время и даже очень часто самый вид будущей болезни.

Нельзя ли логически объяснить эти притязания?

Каждый человек, как бы сильно, как бы прекрасно он ни был сложен, рождается с уязвимой стороной, с зародышем разрушения. Рано или поздно он непременно подвергнется физической слабости, которая неминуемо ведет за собой это разрушение.

Зародыш этот еще не существует; он только что зарождается, но зарождается неизбежно в какой-нибудь части организма: или во внутренних органах, или в позвоночном столбе, или в мозге – одним словом, он тайно находится в организме, как и все зародыши.

Он подобен зародышу плода в древесном соку. Он превратится в завязь, в цвет, в плод... какая разница, когда он созреет: весной, осенью или даже зимой? В то или другое время он неизбежно должен созреть, как то назначено Божественным разумом.

То же самое и с ясно обозначенным зародышем: он должен распуститься в то или другое время жизни – или весной, или летом, или осенью; он явится, когда плод будет зрел.

Эпоха расцветания уже назначена, где бы ни находился этот зародыш: во внутренностях или в позвоночнике.

Но так как все органы находятся в соприкосновении, то время это обозначено и в мозгу, и вследствие того же соотношения оно может, оно должно быть выражено и на руке, состоящей в столь близкой связи с общим чувствилищем.

И оно действительно выражено, и мы приведем этому, когда придет время, неопровержимые доказательства.

Природа все предоставила человеку, с одним непременным условием, и мы не раз еще повторим его, – с непременным условием – работать и учиться. Ибо в большинстве случаев сами открытия (беру в пример грушу Ньютона) суть не что иное, как нечаянные вспышки упорной сосредоточенности на одном и том же предмете.

Если это так, то почему природа не могла явственно обозначить для человека опасные эпохи его существования, дабы он мог их предвидеть, избежать их и даже направить их к своей пользе, как принципы какого бы то ни было движения, упражняя свои высшие качества: свой разум и свою волю?

Почему, наконец, желая предупредить человека и посоветовать ему, не могла эта природа на руке написать эти будущие полезные откровения, так как череп скрыт под волосами, а обман может управлять выражением лица.

Среди всех физиологических наук хиромантия есть наиболее почтенная по своей древности, которая облагородила ее, так как наука эта восходит к первым дням мира.

И разве не наступило уже время вычисляемых предсказаний? Теперь мы пойдем искать себе помощников среди наших противников, или, лучше сказать, эти противники сами появляются, чтобы помогать нам.

Обсерватория предсказывает посредством вычислений, и она предсказывает верно.

На восемь дней вперед она предскажет бурю, неожиданный шквал на море, назначив час, в который он начнется. И моряки не выйдут в открытое море и избежат бури и гибели.

А ведь восемь дней – это будущее. Это сам рок, побежденный гаданием, наукой и свободной волей. Это оправдание каббалистической аксиомы Аристотеля.

Homo sapiens dominabitur astris.

А что делаем мы? Мы тоже предсказываем бури жизни и время этих бурь и тоже говорим: «Останьтесь на берегу или перемените парус, – и вы избегнете роковой случайности с той самой минуты, как предупреждены».

Если вы не слушаете, тем хуже для вас.

Но есть еще более важная вещь.

Матье де Да Дром, ученый, которого мы только что потеряли, за четырнадцать месяцев предсказывал шквалы и наводнения, – и события, мы все это знаем, оправдали справедливость его предсказаний, и это еще так ново: прошло всего несколько дней.

А на чем он основывал свои наблюдения?

На влиянии Луны на земной шар, то есть на астрологии, на той самой астрологии, которая составляет основание нашей науки.

Таким образом, благодаря астрологии будущее не ограничивается восемью днями, – это уже целый год, даже больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.